

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(стачки текстильщиков Криммитшау, горняков Рура и электриков Берлина)

О. Бершадская

Германия, выйдя на мировой рынок в конце XIX в., быстро превратилась в серьёзнейшего конкурента других крупных капиталистических стран. В целях повышения своей конкурентоспособности магнаты германского империализма провели капиталистическую рационализацию, направленную на снижение издержек производства и резкое понижение цен своих товаров на мировом рынке. Снижение себестоимости продукции было достигнуто путём дальнейшего развития техники во всех отраслях производства, но главным образом путём прямого наступления на рабочий класс: удлинения рабочего дня, повышения интенсивности труда и снижения заработной платы.

Рабочий день немецкого пролетария в начале XX в. не был ограничен законом и достигал 12—14 часов для мужчин и 11 часов для женщин. Лишь некоторые наиболее сильные профсоюзы вырвали у предпринимателей по тарифным соглашениям 10-часовой рабочий день.

Больничные кассы действовали по закону 1883 г., т. е. две трети взносов в страховые фонды падали на рабочих и лишь одна треть — на предпринимателей. Треть мест в правлениях больничных касс принадлежала предпринимателям. Социальное страхование не охватывались рабочие домашней промышленности, сельскохозяйственной пролетарият и домашняя прислуга. Страхование на случай старости (старость считалась с 70 лет — возраст, до которого большинство рабочих вообще не доживало) производилось за счёт вычетов из заработной платы рабочих. Государственное страхование от безработицы отсутствовало, между тем как безработица среди германского пролетариата в начале XX столетия достигала значительных размеров, особенно в период кризисов 1900—1903 годов. В 1902 г. только в одном Берлине с пригородами насчитывалось 72 795 полностью и 53 098 частично безработных.

В результате массового вовлечения женщин в производство в условиях капиталистической рационализации, отсутствия охраны женского труда здоровье женщины-работницы быстро разрушалось. Капиталистическая эксплуатация не щадила и детей. В одной лишь Саксонии в начале XX в. количество детей, занятых в индустриальных предприятиях, составляло около 120 тысяч. «Leipziger Volkszeitung» в номере от 25 августа 1904 г. писала об эксплуатации детского труда: «Германия получила закон об охране труда детей, но тут случилось невероятное: прежде чем отдельные союзные государства Германии стали проводить закон в жизнь, здание стало трещать в своём фундаменте,—появилось разъяснение рейс-

канцлера, которое увеличивало исчисляемую многими тысячами армию детей моложе десяти лет, занятых в промышленности. Рабочий день для школьников составлял 6 часов, во время школьных каникул это время увеличивали до 10 часов в день».

Бешеный рост цен на предметы первой необходимости и непрерывное повышение налогов приводили к падению реальной заработной платы рабочих. «Рабочий нищает абсолютно, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, — писал Ленин, — вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам». В фабричных округах Германии смертность детей до одного года достигала 40 процентов.

Наступление на жизненный уровень пролетариата дополнялось усилением политического гнёта, всё большим отказом от демократических свобод. Предприниматели всечески стремились препятствовать деятельности социал-демократической партии и профессиональных организаций, руководствуясь принципом: владелец предприятия — полновластный хозяин у себя на предприятии. Борьба рабочих против штрейкбрехеров рассматривалась властями как «насилие над личностью»; за одно слово «штрейкбрехер» рабочих арестовывали и сажали в тюрьму, пикеты преследовались как «нарушение уличного движения».

В условиях обострения всех внутренних и внешних противоречий, беспрерывного усиления экономического и политического гнёта рабочего класса со стороны мощных предпринимательских союзов, поддерживаемых всей силой юнкерско-буржуазного государства, происходило революционизирование рабочих масс; в движение вовлекались всё новые слои рабочих, выростала воля к борьбе.

В процессе революционизирования германского пролетариата огромную роль сыграла революция 1905 г. в России, коренные вопросы которой «являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции»¹.

Наращение стачечного движения в Германии, массовая политическая стачка в Бельгии в 1902 г. и особенно развёртывание революции в России выдвинули перед германским пролетариатом проблему всеобщей стачки как одну из центральных проблем рабочего движения. Старые парламентские методы борьбы оказывались уже недостаточными, со всей остротой встал вопрос о внепарламентских действиях. Вопрос о всеобщей стачке дебатировался всюду: на рабочих собраниях, на партийных и профсоюзных

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 357. 11-е изд.

конференциях и съездах, в квартирах рабочих. Проблема всеобщей забастовки, говорила лидер левых социал-демократов Роза Люксембург, стала мало-помалу в центре всей жизни социал-демократии. «В ней, как в фокусе, перекрещиваются все спорные вопросы рабочего движения в Германии: вопрос о парламентаризме и о непосредственной роли масс, о политической и экономической борьбе пролетариата, о значении и роли организации, о планомерности и стихийности рабочего движения, о мирной тактике и о столкновениях с вооружённой силой господствующих классов, о медленном «врастании» в социал-демократический строй и революционных «скачках» в развитии классовой борьбы... Вопрос о всеобщей забастовке стал, одним словом, символом целого мирозеркала в рабочем движении в Германии»².

Стачка в Криммитшау и особенно последующие стачки горняков в Руре и электриков в Берлине опрокинули, как карточный домик, все рассуждения ревизионистов о неприменимости массовой политической стачки в условиях Германии.

Криммитшау — один из старых текстильных центров в Саксонии. Большая часть населения города и прилегающего к нему района находила себе работу на текстильных предприятиях. В Криммитшау были крепкие политические и профессиональные организации пролетариата, и здесь с давних пор велась энергичная борьба за сокращение рабочего дня. В 1887 г. после упорной и тяжёлой борьбы текстильщики Криммитшау добились 11-часового рабочего дня. В 1898 г. возобновилась борьба за 10-часовой рабочий день, но она постоянно наталкивалась на яростное сопротивление предпринимателей.

Осенью 1903 г. рабочие Криммитшау снова повели борьбу за 10-часовой рабочий день. В ответ на забастовку пяти фабрик предприниматели объявили локаут свыше 7 тыс. рабочих, и стихийно вспыхнувшая массовая стачка сразу приняла политический характер.

Стачечники держались стойко в течение полугода. События в Криммитшау вызвали живой отклик и солидарность среди текстильщиков и рабочих других профессий в различных местах страны.

Предприниматели, понимая, что массовая стачка является мощным методом борьбы рабочего класса, стремились подавить её во что бы то ни стало. «Сейчас мы должны их взять не мытьём, так катаньем, — заявил председатель объединения фабрикантов Криммитшау — Люкас Шмидт. — Фабриканты Криммитшау защищают здесь уже не только собственное дело, но дело объединённых немецких фабрикантов»³. Предпринимательский союз текстильщиков вынес решение выдавать субсидии фабрикантам Криммитшау, терпящим убытки от стачки, чтобы они не уступали требованиям рабо-

чих. Отцы церкви уговаривали рабочих прекратить стачку. Тихий городок был наводнён полицией и войсками. Рабочих провоцировали на каждом шагу. Государственный аппарат в не прикрытой форме выявил своё классовое лицо.

Как же проявили себя в этой классовой схватке партийные и профсоюзные руководители рабочих? Социал-демократия и профсоюз текстильщиков прежде всего постарались снять с себя всякую ответственность за начало стачки. «Конечно, в Криммитшау происходит проба сил, но не социал-демократия её начала — центральный союз немецких промышленников считает обстоятельство благоприятным, чтобы наброситься на профессиональные организации немецких рабочих»⁴. Профсоюзные вожаки с гордостью заявляли: «Несмотря на то, что ситуация безусловно благоприятна для рабочих, нами ещё ни разу не была отклонена попытка соглашения, и это показывает лучше чем что-либо другое, от кого исходит проба сил. Мы и сейчас готовы, если совет управления Рожера (фабрикант. — О. В.) предпримет попытку соглашения, предложить ему руку мира»⁵. Тон, в котором выступал центральный орган партии, а также профсоюзное руководство в тот период, когда рабочие стояли в боевой готовности, никак не совпадал с оценкой ситуации, как «безусловно благоприятной для рабочих».

Постановлением уполномоченных от фабрик и профсоюзной комиссии по заработной плате стачка текстильщиков Криммитшау была прекращена. Причиной были выдвинуты мотивы «рабочелюбия»: так как предприниматели всей Германии превратили эту борьбу в «пробу сил» и помогают фабрикантам Криммитшау, то борьба затянулась бы на неопределённо долгий срок, а это означало бы обречь рабочий класс на исключительные жертвы.

Решение профсоюзного руководства вызвало огромное разочарование и недовольство масс. Это не мог не признать даже матёрый оппортунист Легин, руководитель объединения немецких профсоюзов, который старался обосновать перед рабочими целесообразность прекращения стачки. В статье о прекращении стачки в Криммитшау он писал: «Одна мысль особенно часто прорывалась в выступлениях рабочих представителей: не будет ли немецкий пролетариат презирать нас за то, что мы прекратили борьбу? Старый, седой рабочий одной фабрики сказал мне: «Я знаю, что мне теперь надо убраться из этого места; но ужаснее, чем этот уход с родного места, было бы мне, если бы меня презирали мои новые товарищи по работе за то, что я из Криммитшау. Нужда не так тяжела, как потеря рабочей чести»⁶.

Легин далее разъяснял читателям, как он «успокаивал» старика и других рабочих, его единомышленников: «Ему, как и многим другим, я мог объяснить, что рабочий

² Люксембург Р. «Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия». Предисловие к русскому изд., стр. VIII—IX. Петроград 1919.

³ «Leipziger Volkszeitung» от 10 января 1904 года.

⁴ «Vorwärts» от 6 января 1904 года. Периодическая.

⁵ Там же от 9 января 1904 года.

⁶ «Leipziger Volkszeitung» от 22 января 1904 года.

класс будет их не презирать, а чтить, так как они в общих интересах и ради сохранения организации прекратили борьбу, пока ещё не была сломлена сила сопротивления»⁷.

Буржуазные газеты сообщали, что на рабочем собрании в Берлине за поражение рабочих в Криммитшау обвиняли социал-демократию. «Vorwärts» выступил по этому случаю с целью оправдать партию и Форштанд от подобных обвинений: «Партия на окончание борьбы имела так же мало влияния, как и на её начало. На начало она не могла влиять, так как предприниматели Криммитшау вряд ли дали бы социал-демократической партии принудить себя к локауту; влиять на окончание борьбы партия запрещал её принятию передавать экономические бои руководству профсоюзов. В действительности... Форштанд сам был удивлён известием о прекращении стачки и сперва даже не поверил в подлинность телеграммы»⁸.

Более выразительного обвинения руководства партии за его бездельность во время мужественной и самоотверженной стачки текстильщиков, чем подобная дружеская «защита», трудно себе представить.

С особой силой вопрос о массовой стачке стал волновать германских пролетариев после первых же раскатов революции 1905 г. в России. События 9 января и последовавшие за ними стачки в различных городах России, переходившие в ряде мест в столкновения народа с полицией и войсками, вызывали живой отклик европейского и прежде всего германского пролетариата. В разных частях Германии состоялись демонстрации протеста против расправы царизма с мирной народной демонстрацией. Непосредственным откликом на события в России явилась стачка горняков, начавшаяся 7 января 1905 г. на рудниках Тиссена и переросшая во всеобщую стачку горняков Рура. Дальнейшее развитие русской революции и чрезвычайное обострение классовых отношений в Германии способствовали быстрому росту воли к борьбе среди германского пролетариата, более или менее ясно понимавшего, что создалась новая обстановка, в которой надо действовать по-новому, не так, как до сих пор.

Это революционное настроение пролетарских масс правильно уловили левые социал-демократы, самое движение которых возникло под воздействием этих же факторов. Роза Люксембург подчёркивала влияние русской революции на революционизирование германского пролетариата. «Русская революция, — писала она, — показала впервые в истории классовой борьбы грандиозное осуществление идеи массовой стачки и... даже всеобщей стачки и этим самым открыла новую эпоху в развитии рабочего движения»⁹. Большой интерес представляет также статья Меринга в газете «Leipziger Volkszeitung», посвящённая памяти Парижской коммуны: «Не в первый раз в мировой истории случается так, что последние становятся

первыми... Ход рабочего движения в европейских культурных странах показал, что протараское движение остаётся тем менее зрелым и развитым, чем старше в них буржуазный правопорядок, что английские и французские рабочие, выражаясь по-протараски, стали последними. Почему бы русским не стать первыми?»¹⁰. Меринг, конечно, не подозревал, что его слова окажутся в полной мере пророческими, что именно российский пролетариат, под руководством большевистской партии, встанет во главе мирового революционного движения, сбросит власть капиталистов и помещиков и, установив пролетарскую диктатуру, построит на одной шестой части земли социалистическое общество.

Революция 1905—1907 гг. в России заставила немецкую социал-демократию пересмотреть своё отношение к массовой политической стачке, быстро завоевавшей признание и горячую поддержку со стороны немецкого пролетариата.

Стачка горнорабочих Рурского района, начавшаяся из-за причин экономических, явилась как бы непосредственным откликом германского пролетариата на начало революции в России. Положение русских горняков в тот период было исключительно тяжёлым. Выступления делегатов на конференции рабочих угольных районов 11 декабря 1904 г. достаточно ярко и отчётливо рисуют картину отчаянной нужды горняков, почти полного отсутствия охраны труда, антисанитарии. Среди горняков повседневными явлениями были несчастные случаи, увечья, болезни и смерть.

В Зейц-Мейсенфельзерском районе рабочий день под землёй длился 10—11 часов. Питьевой воды часто не бывало; в Мансфельдерском районе баня — неизвестное для рабочих учреждение. В Галлешенском районе не хватало питьевой воды, не было и воды для мытья. Делегат этого района, рабочий Митшке, заявил, что он лично наблюдал, как рабочие мыли руки в своей моче. На подземных работах в ужасающих условиях, наравне с мужчинами, но за ещё более низкую плату, работали и женщины. Условия труда были крайне антисанитарные. Руководящий профсоюзный работник, махровый оппортунист Бемельбург, вынужден был, выступая в рейхстаге 12 декабря 1904 г., дополнить эту картину заявлением, что за последние 5 лет в горных рудниках произошло более 14 250 несчастных случаев, из них не менее 5801 со смертельным исходом.

Такое большое количество несчастных случаев, говорил Бемельбург, вызвано стремлением шахтовладельцев извлечь возможно большую прибыль. Контроль рудничных инспекторов, например, в Рейнско-Вестфальском угольном районе в большинстве случаев равен нулю. Среди горняков очень высокая инвалидность: в 1902 г. в районе Бохума было не менее 21 936 горняков-инвалидов. В то время как капиталисты-акционеры получали 15—25% дивидендов, заработная плата рабочих неуклонно снижалась.

¹⁰ «Leipziger Volkszeitung» от 18 марта 1904 года.

⁷ «Leipziger Volkszeitung» от 22 января 1904 года.

⁸ «Vorwärts» от 3 февраля 1904 года.

⁹ Luxemburg R. Gesammelte Werke, Bd. IV. S. 411. Berlin. 1923.

Вожди германских профсоюзов, как известно, не склонны были подчёркивать классовые противоречия капиталистического общества; столь откровенные признания в устах оппортуниста Бемельбурга показывали, до какого крайнего предела нищета и безправия дошли горнорабочие, против которых оказались не отдельные горнозаводчики, а мощные, централизованные предпринимательские союзы.

В этой обстановке события русской революции сыграли в русской стачке роль зажжённой спички, брошенной в груды горячего материала.

Ещё 7 января 1905 г., когда управление шахтами Стиннеса в Врухштрассе объявило о том, что время слуска в шахту не будет зачитываться (что означало удлинение рабочего дня ещё на один час), на шахтах началась стачка, которая вскоре перекинулась на рудники Тиссена и других акционерных компаний. Рабочие пытались договориться с предпринимателями, но их предложения были отклонены, с выбранной рабочими комиссией Стиннес отказался разговаривать. С первых же дней стачка проходила в весьма напряжённой обстановке. Возбуждение рабочих усилилось при известии, что в Мюльхейме, резиденции Стиннеса, находятся войска, готовые в любой момент направиться в район стачки. Стачка стала популярной. Рабочие выставляли требование 9-часового рабочего дня.

Руководители союзов горнорабочих всячески сопротивлялись стачке. Ещё в мае 1904 г. на конференции горняков рабочих Вехтер из Дортмунда упрекал правление союза в излишней «боязливости» и привёл весьма интересный факт: когда на руднике Шарнкорт рабочие начали борьбу за повышение заработной платы, представитель союза, явившись к ним, заявил, что к докладу он не готовился и вообще пришёл лишь за тем, чтобы посоветовать рабочим, если они захотят объявить стачку.¹¹

Однако на этот раз под напором масс профсоюзные руководители принуждены были отступить.

17 января вспыхнула всеобщая стачка, которая охватила больше 250 тыс. человек. Работа в Руре — угольном бассейне всей Германии — замерла. Повсюду происходили бурные собрания рабочих. Активно стали выступать женщины-работницы и жёны горняков. Революционное возбуждение масс всё усиливалось. Отчётливо вырисовывалась воля к борьбе не только у социал-демократических рабочих, но и у членов христианских профсоюзов.

Момент был исключительный: массы рабочих отчётливо увидели, что идёт жестокая, без обычных прикритий борьба не отдельных рабочих против отдельных предпринимателей, а двух непримиримо враждебных лагерей. Массы почувствовали: класс стал против класса.

Как же вели себя в этот момент рабочие вожди? Как организовали они борьбу, как возглавили и направляли боевую готовность

масс? По сообщению газеты «Leipziger Volkszeitung», на собрании горняков Дортмунда 10 января 1905 г. руководители союза весьма порицали тех, кто высказывался за стачку. «И вожди, — писала газета, — находили крепкие, очень крепкие слова из-за того, что, не спросив у руководителей, не составив заранее решения, «без плана и цели», «вдруг» начали стачку. Это является нарушением дисциплины»¹². План союза, говорил докладчик от руководства союза горняков, предполагает начать стачку там, где можно удлинение рабочего времени смен. Рабочие, которые хотят выйти из рамок этого плана, действовать беспланово, должны будут сами нести за это ответственность, и союзы должны отклонить от себя ответственность за подобные действия. Так говорили рабочим профсоюзные вожди.

Согласно отчёту «Leipziger Volkszeitung», рабочие прерывали речи профсоюзных ораторов словами: «Саботажники (буквально: тормозчики — Bremmsen)». На требование возобновить работу можно ответить лишь одно: мы ещё не сошли с ума. Нет, нет!»¹³.

Стачка в Руре вызвала широкое сочувствие в рабочем классе Германии, хотя профсоюзное руководство делало весьма мало, чтобы организованно поддержать стачечников. Тем не менее даже такой правый профсоюзный деятель, как Хуэ, должен был признать, что стачечники встречают братскую поддержку и даже хорошо оплачиваемые горняки, зарабатывающие в день 7—8 марок, из солидарности с товарищами бросают работу.

Однако этой солидарности рабочих противостоял единый фронт предпринимателей. Прекрасным «страховым обществом» для них являлся синдикат каменноугольной промышленности. Синдикат компенсировал горнозаводчиков, терпевших убытки от стачки, перекладывая эти убытки на плечи потребителей и в первую очередь на самих рабочих.

Вожди профсоюзов, которым не удалось воспрепятствовать началу стачки, готовили её прекращение, всячески стараясь направить революционную энергию бастующих масс в русло «мирного», «дружелюбного» улаживания конфликта.

Показательна в этом отношении речь п рейхстаге руководящего работника союза горнорабочих — Хуэ, — выступившего 20 января с обоснованием интерpellации социал-демократической фракции по поводу событий в Руре. Речь Хуэ была классическим образцом оппортунистического отношения к стачке, стремления удержать рабочий класс от борьбы и задержать процесс его революционизирования. Речь Хуэ выражала не только его мысли и чувства. Это было яркое отражение мыслей, чувств и деятельности профсоюзной бюрократии, справедливо и метко названной рабочими «тормозчиками».

Хуэ прежде всего успокаивал рейхстаг и правительство, что слухи о беспорядках среди рабочих, о волнении масс сильно преувеличены. Этот «рабочий вождь» рассказывал с удовлетворением, что в Ваттеншейде (один из районов стачки), где он был накануне и лично беседовал с жандармами,

¹¹ «Leipziger Volkszeitung» от 26 мая 1904 года.

¹² Там же от 11 января 1905 года.

¹³ Там же от 21 января 1905 года.

всё обстоит спокойно, нет никаких беспорядков, никто не чинит препятствия «рабочим, желающим работать»¹⁵. Попутно Хуэ отпустил комплименты прусской полиции в Руре, заявляя, что она «лучше саксонской» и что он надеется повторить эту похвалу ей ещё через 14 дней стачки. Хуэ призывал правительство выступить единым фронтом... с рабочими против капиталистических синдикатов!

Хуэ призывал и синдикаты пойти на уступки скромным требованиям рабочих. «Настроение рабочих упорное,—говорил он.— На собраниях рабочие, когда я указывал им на ограниченность наших финансовых средств, мне кричали: «Мы голодаем на работе, сумеем голодать и во время стачки!»

Комиссия, избранная 12 января 1905 г. на делегатской конференции горняков Рурской области, после безуспешных переговоров с организацией шахтовладельцев, обратилась с телеграммой к рейхсканцлеру Бюлову с просьбой о посредничестве и удовлетворении требований рабочих.

Ответ Бюлова гласил, что он согласен стать посредником в переговорах между рабочими и предпринимателями, но лишь в том случае, если стачка будет немедленно прекращена и рабочие приступят к работе.

В этот ответственный момент ни Генеральная комиссия профсоюзов, ни правление социал-демократической партии не оказали стачечникам никакой поддержки.

Комиссия по руководству стачкой созвала на 9 февраля в Эссене новую делегатскую конференцию горняков Рура. Организаторы конференции выступили с требованием прекращения стачки, так как в профсоюзной кассе абсолютно нет больше средств для поддержки стачечников.

Подавляющим большинством голосов (164 против 5) принята была резолюция о прекращении стачки.

Это решение конференции, навязанное оппортунистическими руководителями профсоюзов, вызвало острое недовольство и даже возмущение рядовых стачечников.

Все ухищрения профсоюзных лидеров представить дело таким образом, будто прекращение стачки — не позорное отступление с поля боя, а всего лишь «временное перемирие» с предпринимателями, вызванное отсутствием средств, встречали со стороны рабочих резкий отпор.

10 февраля на работу вернулась только одна треть стачечников (80 463 чел. из общего числа 250 286 чел.), и только 14 февраля, т. е. на 5-й день после решения о прекращении стачки, большинство стачечников приступило к работе, и стачка была окончательно прекращена. Горняки Рура были также преданы профсоюзными бонзами, как и текстильщики Криммитшау.

К числу крупнейших классовых боёв 1905 г. в Германии относится стачка в берлинской электропромышленности. Эта отрасль промышленности приносила акционе-

рам исключительно высокую прибыль. При средних в промышленности начала XX в. 5—6% прибыли акционерное общество «АЭГ» (Всеобщая электрическая компания) получало ежегодно 12% дивидендов: акционерное общество «Сименс и Гальске» получало «только» 8,6 процента!

Указанные акционерные компании постоянно подчёркивали, что на их предприятиях исключительно высока оплата рабочих. На самом деле это относилось только к незначительной прослойке рабочей аристократии. Оплата же массового рабочего средней квалификации совершенно не соответствовала рекламным заверениям фирмы: заработная плата неквалифицированных рабочих была позорно низкой и отставала от самого жалкого прожиточного минимума. Существовавшая система аккордной работы использовалась мастерами для ущемления классово-сознательных рабочих; им предоставлялась наименее выгодная работа, в то время как наименее сознательным, отсталым рабочим давалась возможность лучшего заработка.

Такое положение вызвало значительное недовольство среди рабочих. В компании «АЭГ» низкооплачиваемые рабочие выдвинули требование прибавки трёх пфеннигов в час — 33 пфеннига вместо 30 — и более быстрых темпов продвижения по тарифной сетке. У «Сименса и Гальске» рабочие требовали увеличения оплаты некоторых сложных работ на 15%, в то время как дирекция соглашалась на 5. Требования рабочих были минимальны, особенно принимая во внимание те исключительно высокие доходы, которые получали эти компании; тем не менее они были отклонены. 20 сентября 1905 г. началась стачка. Предприниматели ответили на неё локаутом 10 тыс. рабочих и объявили, что если рабочие не возьмут назад своих требований и не прекратят стачки, то фирма «Сименс и К^о» должна будет закрыть свои предприятия. Акционерная компания извещала рабочих, что ею достигнуто соглашение с обществом «АЭГ» о том, что и оно закроет свои предприятия и откроет их вновь одновременно с предприятиями «Сименса и К^о».

26 сентября конференция рабочих отклонила предложение о возвращении на работу на условиях предпринимателей. 30 сентября акционерная компания «Сименс и К^о» объявила локаут ещё 33 тыс. рабочих. Ответом на это был ряд стачек солидарности. Объявили стачку рабочие на заводах электрических лампочек, электромонтёры и небольшой, но важный отряд — машинисты и истопники электростанций. Электрики и металлисты в различных городах Германии на многолюдных собраниях выносили резолюции о моральной и финансовой поддержке берлинских товарищей. Сбор средств в пользу бастующих и локаутированных проходил повсюду с большим сочувствием.

В начале октября предприниматели усилили нажим на бастующих. Предприниматели металлопромышленности, входившие в одно объединение с акционерными компаниями «Сименс и Гальске» и «АЭГ», объявили, что прекращение работы на заводах этих компаний делает невозможной работу

¹⁵ «Leipziger Volkszeitung» от 21 января 1905 года.

на металлзаводах, поэтому «Объединение берлинских металлпромышленников» постановило объявить себя солидарным с названными фирмами и к 14 октября закрыть предприятия остальных членов объединения¹⁶.

Это заявление ставило под угрозу локаута ещё 60 тыс. рабочих, следовательно, с семьями было бы обречено на голод около 300 тыс. человек.

В этот ответственный момент профсоюзные руководители, вместо организации дальнейшей борьбы, возлечения в неё новых слов рабочих, перехода от обороны к нападению, предали рабочих: на собрании уполномоченных 326 голосами против 147 было решено принять условия предпринимателей и прекратить стачку. Электрики Берлина были так же преданы профсоюзными бюрократами, как ранее горняки Рура, текстильщики Криммитшау, рабочие других отраслей в менее крупных классовых схватках.

Об отношении рабочих к окончанию стачки электриков «Leipziger Volkszeitung» писала: «Настроение рабочих, естественно, подавленное... Раздаются голоса, что в сущности побеждены не рабочие, а руководство стачки, поддавшееся терроризму предпринимателей»¹⁷. Газета также подтверждала, что «колеблющееся и выжидательное поведение руководителей стачки облегчило позицию предпринимателей».

Стачки текстильщиков Криммитшау, горняков Рура, электриков Берлина и многие другие менее значительные стачки создавали в Германии начала XX в. особую обстановку острой и открытой классовой борьбы (класс против класса), ещё более накалявшейся под влиянием развёртывавшейся в России революции.

По данным секретариата Генеральной комиссии профсоюзов (далеко не полным), в стачках 1903 г. участвовало 75 830 чел., локаутам подверглись 45 763 человека. Таким образом, в этих классовых схватках принимали участие 121 593 человека. В 1904 г. эта цифра увеличилась: в стачках и локаутах участвовало 135 957 человек. Помимо того в движении за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы, не вылившихся в форму стачек и локаутов, организованно участвовали 169 974 человека. В 1905 г. количество рабочих, участвовавших в стачках и подвергшихся локаутам, увеличилось более чем в 3 раза, достигнув внушительной цифры в 507 964 человека.

Мощное стачечное движение свидетельствовало об общем революционном подъёме германского пролетариата в начале XX в., когда стачки, начатые под экономическими лозунгами, приобретали политический характер.

Однако революционная активность масс не была возглавлена ни социал-демократической партией, ни профсоюзами.

Как известно, конгресс германских профсоюзов в Кёльне в мае 1905 г. пошёл в этом вопросе за профсоюзными лидерами и не

только признал массовую политическую стачку невозможной в Германии, но даже запретил членам профсоюза обсуждение вопроса о стачке. На Иенском партийтаге 1905 г. по вопросу о массовой стачке развернулась острая борьба. Бебель под влиянием боевого настроения пролетарских масс высказался за возможность применения массовой политической стачки, но тут же оговорил, что стачка допустима лишь как оборонительное средство на тот случай, если реакция захочет отнять всеобщее избирательное право.

Позиция правых социал-демократов, больше всего на свете опасавшихся выступлений пролетарских масс, весьма красноречиво была выражена их представителем, Гейне, слова которого приводит Роза Люксембург: «Подумали ли вы о том, что в случае всеобщей стачки на сцену выступают не только наши, хорошо организованные силы, но и неорганизованные массы. И сможете ли вы держать и эти массы в узде?»¹⁸. В своём выступлении на партийтаге Роза Люксембург говорила, что одни эти слова Гейне выдают его буржуазное мировоззрение. Весь исторический опыт рабочего движения, продолжала она, доказал, что «во время революционной ситуации приходится держать в узде не массы, а парламентских адвокатов, чтобы они не предали массы и революцию»¹⁹.

Только левые социал-демократы боролись за перенесение в Германию методов революционной борьбы российского пролетариата, но, как и во всей своей деятельности, они вели эту борьбу непоследовательно, не порывая с ревизионистами и поддерживавшими их центристами. Представляя собой «организационно не оформленную, идеологически неподкованную группу»²⁰, левые социал-демократы не понимали организующей роли партии, роли и значения организационного вопроса вообще и, в частности, в применении к проведению массовой политической стачки. «Вместо того, чтобы ломать себе голову над технической стороной, над механизмом массовой стачки, социал-демократия призвана во время революционного периода перенять политическое руководство. Дать пароль, направление борьбы, определить тактику политической борьбы так, чтобы в каждой фазе и в каждый момент борьбы вся наличная и уже развязанная действующая сила пролетариата была реализована»²¹.

Эти слова Розы Люксембург очень характерны для переоценки стихийности рабочего движения всеми левыми социал-демократами.

Таким образом, в момент наивысшего подъёма стачечной волны текстильщики Криммитшау, горняки Рура, электрики Берлина, как и многие другие опряды германского рабочего класса, оказались без революционного руководства.

¹⁸ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Jena 1905. S. 320.

¹⁹ Там же.

²⁰ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 351—352. 11-е изд.

²¹ Luxemburg R. Gesammelte Werke. Bd. IV. S. 445.

¹⁶ «Leipziger Volkszeitung» от 5 октября 1905 года.

¹⁷ Там же от 16 октября 1905 года.